

Н. Д. Кручинкина
Саранск, Россия

ВНЕЯЗЫКОВЫЕ И ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ УСЛОВИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ОТРАЖАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются особенности актуализации отражательной функции в содержательном плане текстов разных стилей изложения. Показано влияние прецедентного этносоциально-го и этнокультурного сознания на восприятие иной этносоциальной и этнокультурной жизни социума.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отражательные функции; языковое сознание; языковая деятельность; реальная действительность; этнокультурология; этносы; этнолингвистика; дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кручинкина Нина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Мордовский государственный университет.

Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.
E-mail: ndk-07@mail.ru.

N. D. Kruchinkina
Saransk, Russia

EXTRALINGUISTIC AND INTRALINGUISTIC CONDITIONS OF ACTUALIZATION OF REFLECTIVE LANGUAGE FUNCTION

ABSTRACT. The article analyzes the features of updating of the reflective function in the meaningful plan of texts of different styles of presentation. The influence of precedent ethnosocial and ethnocultural consciousness on the perception of another ethnosocial and ethnocultural life of society is shown.

KEYWORDS: reflective functions; linguistic consciousness; linguistic activity; objective reality; ethnocultural science; ethnic groups; ethnolinguistics; discourse.

ABOUT THE AUTHOR: Kruchinkina Nina Dmitrievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Roman Philology, Mordovian State University.

Постсоссюрианский период развития лингвистической теории, набрав достаточно системных сведений о закономерности

стях существования языка в его парадигматике и синтагматических реализациях, вполне закономерно вышел во внешние границы, определяющие само существование языка как специфической формы отражения содержательного субстрата: реальной действительности.

Изучение языка не только как формы, но, в первую очередь, как отраженной действительности, т. е. в содержательном плане, может иметь большую когнитивную значимость: в познании жизни, обычаев, традиций, верований этноса и способствовать воспитанию по меньшей мере терпимости к этим особенностям, а в идеальном варианте – проявлению интереса и уважения к богатству красок мультикультурного пространства.

Огромная роль отражательной функции языка отмечена многими специалистами, соприкасающимися в том или ином аспекте своих исследований с языковой деятельностью (language). В рамках поэтапности действия разных функций языка лишь предварительно воспринятый сознанием реципиента и отраженный в процессе его мыслительной деятельности, а впоследствии означенный им в языке тот или иной фрагмент реальной действительности становится предметом коммуникации [Кручинкина 2006: 95].

Во всех аспектах общественной жизни этносоциумов роль языка в целом значима как для монокультурной, так и для межкультурной коммуникации. В жизни мультикультурных социумов, каким является российский социум, владение также конативной и фатической функциями языка в процессе и монокультурного, и тем более межкультурного общения имеет огромное значение [Леонтьев 1990: 138-139]. Не случайно в последнее время на значимость языка и в отражательном плане обращается внимание не только специалистов в области языка, но и культурологов, социологов, этнологов.

Отражательная функция языка дает основание для актуализации его коммуникативной функции, так как существование языка как средства передачи информации было бы невозможным, если бы язык в своих условных системных формах не информировал бы о той действительности, которая во всем ее многообразии является предметом устной или письменной коммуникации.

Б. А. Серебренников отражательную способность языка считает «одной из самых важных предпосылок возникновения человеческого языка», так как она проявляется при передаче информации о реальной действительности в процессе коммуникации [Серебренников 1970: 9]. По мнению Г. В. Колшанского,

язык, который используется для передачи информации о мире, является «первичной основой существования общественного сознания» [Колшанский 1984: 29]. Если язык не будет являться средством объективного отражения действительности, то необходимость в нем как информационном средстве теряет смысл. На этот факт, в частности, обращает внимание Д. Болинджер: «истина – проблема лингвистическая, поскольку коммуникация без истины просто невозможна» [Болинджер 1987: 41].

При ономаσιологической стратегии презентации отражаемого в текстовом выражении экстралингвистического субстрата внимание обращено не просто на языковые формы выражения, а на внеязыковой прецедент, обеспечивающий то или иное видение отражаемого содержания. Многие лингвисты (этносоциологи, этнопсихологи, лингвокультурологи) во многом способствовали возвращению лингвистики в русло междисциплинарных исследований.

При анализе языкового содержания в текстовой презентации принимаются во внимание этнокультурные и социокультурные особенности самого отражаемого бытия, а также фоновые знания языковой личности, воспринимающей и представляющей свое субъектное осмысление наблюдаемой действительности (гносеологическая ось «субъект – объект»). А. Вежбицкая поэтому на базе содержательной стороны языков исследовала тесную связь между жизнью общества и содержательной стороной языка, на котором оно говорит. «Это в равной мере относится к внутренней и внешней стороне жизни» [Вежбицкая 1999: 263-264].

В семасиологической стратегии учет внешних факторов позволяет ставить в центр внимания когнитивный аспект текстов. Для номинатора в ономаσιологической стратегии сама реальная действительность может являться начальной стадией гносеологического процесса с последующим этапом осознания познаваемого, его концептуализации, его структурирования для последующего текстового или дискурсивного означивания по законам конкретного языка. Для реципиента информации начальной стадией гносеологического процесса является опосредованная, субъективированная, вторичная действительность в той ее номинации, которая представлена инициатором информационного процесса при непосредственном живом общении коммуникантов или при ее регистрации в текстовой репрезентации [Кручинкина 2008а: 141-143].

Г. В. Колшанский человеческое сознание в его гносеологической (когнитивной) функции правомерно определил как «вторичное явление по отношению к материальному миру», который оно отражает [Колшанский 1976: 5].

В принципе отражаемая в сознании номинатора реальная действительность должна быть в своей основе объективной, если номинатор не искажает воспринятое преднамеренно. Однако столь же очевидно, что отраженная в языковом сознании реципиента-номинатора полученная информация не может быть абсолютной истиной в последней инстанции.

Дело в том, что даже крупные исследователи, известные ученые, занимающиеся долгие годы анализом своей темы исследования, в своих выводах зависимы от прецедентного знания, полученного образования, общего состояния своей области науки в данный период научного развития. Поэтому в науке существуют разные направления одной области исследования, пока практика не подтвердит адекватность одной из научных гипотез. Реципиенту этих изысканий, если он находится на начальном этапе приобщения к науке в той или иной ее области, при восприятии разных точек зрения остается аккумулировать полученную другими исследователями сумму знаний. Имеется и другой вариант: в опоре на имеющиеся собственные фоновые научные знания анализировать каждую из точек зрения и находить свой путь аргументации или решения, что и происходит при написании состоявшимся ученым своих научных работ.

В связи с этим можно привести мнение Г. В. Колшанского: «говоря о субъективном характере языка, обычно имеют в виду не тот очевидный факт, что язык есть произведение человеческого интеллекта, а тот факт, что в языке выражаются или целиком субъективные восприятия человека, или в сочетании с некоторой объективной информацией одновременно и элементы субъективной оценки этой информации» [Колшанский 1975: 116].

В других сферах восприятия и последующего информирования о картинах мира реципиент-номинатор проходит те же этапы гносеологической оси *субъект – объект*. Разница лишь в том, что наука в принципе не имеет этносоциальных границ, особенно в настоящее время открытого научного и информационного пространства. В других же сферах информационно-коммуникативной деятельности, несмотря на тенденцию глобализации, на восприятие картины мира языковой личностью и ее отражение языковым сознанием оказывают влияние разные

факторы, в том числе и факторы этносоциального, этнокультурного характера, начиная от полученного семейного воспитания в определенной стране, с определенными многовековыми традициями жизни этносоциума. Этносоциумы в процессе своего формирования с течением времени для своих целей и потребностей создают для себя определенную картину мира [Кручинкина 2017: 630].

Не случайно замечательный французский писатель А. де Сент-Экзюпери декларировал: «*Je suis de mon enfance*». И каждый из нас может постулировать эту мысль. В одной из педагогических книг была представлена притча о монахе, который сказал, что если ему оставить ребенка на воспитание до семилетнего возраста, то потом его можно забирать с уже имеющимися жизненными установками. Можно также вспомнить и подтвердить на своем опыте консервативность нашего сознания на примере того, с каким трудом выкорчевываются плохие детские привычки и мысленные установки. Поэтому и при восприятии иной картины мира собственное мировосприятие довлеет над сознанием, ограничивая объективность отражения в сознании другой картины мира, в том числе и из иного культурного пространства.

Известный французский писатель Пьер Данинос, которого не случайно французские СМИ периода Четвертой Республики назвали писателем-социологом той эпохи жизни Франции, показывает в одном из своих произведений серии об английском майоре Томсоне «*Les carnets du major Thompson*» [Daninos 1954], какой кросс-культурный шок тот испытывает при близком знакомстве с образом жизни даже географически близкой страны – Франции, хотя по долгу службы побывал в разных колониальных владениях королевства: *Tant il est vrai que, pour séparer les deux peuples les plus dissemblables du globe, le Tout-Puissant n'a jeté que quelques seaux d'eau...*

В определенной мере в восприятии майором Франции проскальзывают нотки героев «Персидских писем» Монтескье с их знаменитым вопросом: – *Comment peut-on être Persan?* (– Как можно быть персом?)

Однако когда волею обстоятельств он женится на французенке и сам становится обитателем этой страны, происходит постепенная адаптация к особенностям новой этносоциальной культуры, французского мировосприятия: *...je suis un Anglais nourri à la française.*

Достойный, респектабельный гражданин Соединенного Королевства (*Royaume-Uni*), послуживший своему государству верой и правдой в его многочисленных колониях, отмеченный государственными орденами за верное служение отечеству (*Un Anglais correct*), т. е. имеющий представление о самых разных этносах и особенностях их жизни и традициях, этномировоззрения, тем не менее вначале был дезориентирован многим из того, что он познал во Франции из ее общественной сферы жизни: *...aujourd'hui je peux bien le dire – je ne me suis jamais senti aussi dépaysé qu'à trente kilomètres de Douvres, dans ce doux pays qui porte le glissant nom de France.* И все же уже на этом этапе он не отказывает себе назвать Францию *doux pays*.

Богатый жизненный опыт майора служит серьезной сравнительной основой когнитивного осознания уникальных особенностей концептуального мировосприятия «среднего француза»: *Beaucoup de pays perdent la tête parce qu'ils perdent leur gouvernement. Les Français, auxquels leurs gouvernements pourraient bien faire perdre la tête, ont l'incomparable mérite de la garder froide en cette occasion. Exemple sans doute unique dans le monde, la France possède un corps suffisamment solide pour lui permettre de vivre sans tête un mois sur quatre. Tandis qu'il est chez nous une nécessité, le gouvernement est pour la France un luxe que peuvent lui permettre de s'offrir trois, quatre ou cinq fois par an la solidité de son administration...* Он не может не поражаться той легкости, с какой французы меняют свои правительства, тогда как в его родной стране такого не наблюдается. Тем не менее Томсон, как человек, ступивший на землю Франции, как ее теперешний обитатель, видит и уже старается объективно оценивать и положительную сторону особенностей французского здравогомыслия (*ce fameux Bon Sens*), называя и саму нацию *cette admirable nation*.

Отражательная функция не может осуществляться без участия мышления. Говоря о взаимодействии когнитивных, психолингвистических и языковых факторов в процессе отражения картины мира в той или иной экспликации событий, можно сослаться на мнение А. А. Ветрова: «Язык и мышление диалектически воздействуют друг на друга. Однако вначале была все же мысль (а не слово)» [Ветров 1968: 242].

К. Ажеж считает, что языки, «говоря о мире, перевоссоздают его» [Ажеж 2003: 122]. Конечно, говоря о языках, он имеет в виду говорящих на этих языках, которые, воспринимая реаль-

ную действительность через призму своего общественного и индивидуального языкового сознания, репрезентируют ее с определенной долей субъективности.

По мнению К. Бэйлона, сам поиск форм выражения исходит от реальности, которую создают участники общения, и из определенного социума. Эти факторы считаются также активными в создании картины мира. Язык в его отражательном потенциале через свои понятийные, событийные, информационные знаковые единицы оказывается отраженной знаковой реальностью [Baylon 2002: 223-230].

Исходя из современного состояния открытого мирового пространства, да и обращаясь к нашей собственной многонациональной стране с ее полиэтническим потенциалом, следует отметить важность осознания вариантыности мировосприятия, образа картины мира. Современное открытое мировое пространство дает богатейшие возможности познания жизни даже самых экзотических этносов и особенностей их мировосприятия. Однако следует заметить, что и в нашем внутреннем многонациональном, полиэтническом пространстве нам не мешало бы, хотя бы во избежание случающихся бытовых конфликтов между представителями разных этносов, проявлять больше взаимного интереса и взаимоуважения к этносоциальным, этнокультурным особенностям бытия этносоциумов.

Из собственного московского опыта наблюдения за межэтническими контактами студентов в рамках общежитейского внеучебного бытия можно было сделать вывод, что проявление интереса и уважения к этнокультурным традициям студентов других этнокультурных ареалов вызывало ответную положительную реакцию.

Неформальное, истинно заинтересованное общение представителей разных этносоциальных культур равно обогащает всех участников поликультурного, полиэтносоциального общения. Научные специалисты и практики в области отношений в межэтнических пространствах показывают необходимость преодолевать появляющиеся трудности информационного общения через посредство познания различающегося этномировосприятия в том числе и в прагматических целях: например, для успешного делового общения, создания и реализации совместных бизнес-проектов [Красных 2002: 28-41; Самохина 2005: 56-61].

С. Г. Тер-Минасова вполне аргументированно показала в своих изысканиях, какую важную, в том числе и прагматическую,

роль в современном открытом международном пространстве играют знание и использование общего языка общения в плане содержания тех базовых концептов, которые могут обеспечивать основу контактоустанавливающего общения [Тер-Минасова 2000: 18-25; Тер-Минасова 2008: 215-244]. Однако для этого необходим также и большой объем фоновых знаний о мире в целом, о разных этносоциумах, этнокультурах, иных картинах мира в сознании разных этносоциумов и проявление уважения к обнаруживающейся вариантности. Тогда успех восприятия партнеров по информационному взаимодействию будет обеспечен.

Не менее важной при этом является и индивидуализация общения, когда коммуниканты замечают у партнеров по общению положительные черты, с вниманием воспринимают их точку зрения, даже если они расходятся во взгляде на какие-то важные для них проблемы, с тем чтобы аргументированно искать путь к компромиссу, например, в деловом общении, в международных отношениях.

Ж.-Д. Саленс поэтому вполне правомерно считает, что языковая деятельность (*language*) при общении как между представителями одного языка, так и разных языков может быть эффективной только при знании и взаимном соблюдении этносоциальных культур [Salins 1992: 84-91, 145-160].

В применении к когнитивному восприятию текста также можно сказать, что для адекватного понимания содержания текстовых произведений, не только инициатору коммуникации, но и реципиенту необходимо обладать знанием о мире – основе действия отражательной функции языка. При межъязыковом устном или письменном общении нужны сведения о социо-, этнокультуре, ментальности других этносов.

Ментальность этносоциума тесно связана с так называемым идиоэтническим мышлением, идиоэтническим сознанием [Кацнельсон 2001: 24, 55-56; Петрухина 2001: 56-65], т. е. специфическим видением мира носителями того или иного языка.

В понимании Ю. С. Сорокина и И. Ю. Марковиной понятие этносоциальной культуры многоуровнево: оно включает знание этносоциума, в рамках которого имеет место передача информации, знание невербального поведенческого этикета, а на языковом уровне – владение речевой практикой общения в разных функциональных стилях того или иного языка [Сорокин, Марковина 1988: 5]. Соблюдение этих принципов помогает рассматривать понятие культуры общения в рамках триады «этнос – язык – культура».

Возвращаясь к процессу коммуникации в устном или письменном общении в семасиологической стратегии, заметим, что для М. М. Бахтина текст (письменный и устный), если его рассматривать как отправную точку познания представленной в нем действительности, в когнитивном плане является первичной данностью «всего гуманитарно-филологического мышления» [Бахтин 1986б: 297]. Тем самым М. М. Бахтин фактически утверждает, что текст адекватно отражает реальную действительность, оформляя информацию о ней условно лишь с учетом специфики языкового кода и жанровых особенностей этой условности.

Исходя из когнитивно-репрезентативных представлений, М. М. Бахтин называет текст непосредственной действительностью мысли [Бахтин 1986а: 473; Бахтин 1986б: 297]. В его представлении без текста «нет и объекта для исследования и мышления» [Бахтин 1986а: 473].

В нашем понимании с когнитивной точки зрения текст репрезентирует отраженную реальность [Кручинкина 2018]. Поэтому текст в содержательной ипостаси является своего рода прообразом реальной действительности и может быть источником получения информации о мире [Кручинкина 2019]. Эта способность текста Т. М. Дридзе названа информативностью [Дридзе 1980: 56], а Е. В. Сидоровым «непременной составляющей его функциональной сущности» [Сидоров 2007: 142].

В тексте представлено отражение прецедентной когнитивной деятельности языковой личности в роли реципиента-номинатора с его возможной оценочной реакцией на воспринятое. М. М. Бахтин поэтому обратил внимание и на прагматику текста: на отношения между содержанием текста и его автором. Мы считаем этот план взаимоотношений между текстом и субъектом (автором текста) важным для лингвистики в ее когнитивной и прагматической функциях, а также для лингвокультурологии, этнолингвистики и социоллингвистики [Кручинкина 2016: 203]. Замечательна глубокая мысль ученого о том, что высокая степень актуализации отражательного статуса в содержательном плане языкового выражения базируется на глубине проникновения автора в самую отражаемую действительность [Бахтин 1986б: 194; Бахтин 1988: 190].

Сама действительность может отражаться в разной степени субъектности и субъективности. Понимание этих аспектов позволило М. М. Бахтину охарактеризовать текст как «выражение сознания, что-то отражающего» и как «субъективное отра-

жение объективного мира» [Бахтин 1986б: 308]. Субъективный фактор в познавательной-отражательной деятельности сознания может быть социально, этносоциокультурно, политически обусловлен или сознательно ангажирован. Разная субъективная оценка одних и тех же событий может быть связана с функциональной деятельностью автора оценки событий.

Определенная ангажированность может наблюдаться в первую очередь в политической публицистике, когда сфабрикованное событие вполне преднамеренно выдается за объективную действительность, за увиденное самим журналистом. Об этом говорят и зарубежные социолингвисты [Блакар 1987; Боллинджер 1987; Вайнрих 1987].

Тексты публицистического жанра имеют свою специфику в отражении реальной действительности. Степень адекватности восприятия реципиентом информации общественно-политической реальности зависит не только от степени знания им языка, но и от глубины знаний реальной действительности, политических взглядов и убеждений. Автор речевого произведения, волонтактивно или непреднамеренно преобразуя или даже искажая реальную действительность, создает тем самым для адресата так называемую вторичную реальность.

Направленность на конкретного адресата является непременным условием любой коммуникативной деятельности. Поэтому журналист для результативной коммуникации должен учитывать, осведомлен ли адресат в ситуации, насколько он обладает «специальными знаниями в данной области общения». Он должен знать об области интересов адресата, о его взглядах, так как эти факторы будут способствовать активному восприятию коммуникации [Бахтин 1986б: 291].

Неадекватное восприятие явлений и событий и недостаточно грамотное выражение адресантом мыслей о воспринятой объективной действительности порождают и неадекватную реакцию на нее со стороны адресата. В политической коммуникации это в конечном итоге может привести к исчезновению доверия к автору неадекватного отражения событий, явлений общественной жизни, к дискредитации и уходу с политической сцены, например, политического деятеля, партии, которые потеряли доверие избирателей.

Важно при этом понимать, что информация, передаваемая при помощи языка и важная сама по себе, имеет еще и функцию воздействия: всякое использование языка предполагает

ет формирующий, воздействующий эффект [Блакар 1987: 91]. Ю. Е. Прохоров также считает, что речевое произведение (текст, дискурс) имеет деятельностный характер, т. е. содержит функцию воздействия [Прохоров 2004: 13].

Зависимость между адекватным, неангажированным отражением объективной действительности и рейтингом популярности особенно ярко ощущается в публицистике, которая имеет интерактивный характер связи между автором и читателями, слушателями. Всякий адресант (говорящий, пишущий), тем более автор публицистических произведений, берет на себя ответственность за видение отражаемой им действительности и ее фрагментов перед его зрителями, читателями, слушателями того вторичного мира, каким он предстает перед ними в презентации этого адресанта.

При этом, как справедливо заметил Г. В. Колшанский, в принципе сам язык при отражении в своих формах «не искажает и не преобразует действительность» [Колшанский 1990: 61], так как сам по себе он является условностью, специфическим кодом для каждого языка при оформлении отражаемого содержания. Однако этот код через посредство условных знаков может по-разному представлять реальную действительность даже на уровне объема значений отдельных лексем, что может вызывать у носителей другого языка, недостаточно хорошо владеющих чужим языком, неадекватное восприятие содержания. Это касается и переводческой деятельности. Г. В. Колшанский поэтому указывал на важность адекватной языковой интерпретации, которая базируется на мыслительной способности получателя информации и его языковой и речевой компетенции. В отражательной деятельности сознания коммуникантов он отмечает как неизбежные не только черты объективности, но и проявления непреднамеренной или преднамеренной субъективности [Колшанский 1975: 66, 68].

Это вполне справедливо, если говорить, например, о простой информативной активности, когда степень объективности коммуникантов зависит только от степени владения ими языком общения и степени владения передаваемой или обсуждаемой информацией. Р. Блакар субъективность восприятия действительности среди других причин усматривает поэтому и в сложном характере взаимоотношений между языком и действительностью [Блакар 1987: 95].

Когнитивный аспект познания действительности в семиологической стратегии, т. е. через посредство содержания текста, связан с вопросом о картине мира. Этот вопрос в том или ином виде ставился лингвистами, психолингвистами и психологами в разные периоды с разных углов зрения. Дело в том, что сама отражаемая действительность особенно в настоящее время очень часто меняется: в ней с большой частотностью возникают новые реалии, предметы, явления, которые должны быть осознаны человеческим умом или коллективным сознанием этноса, прежде чем они получают языковое выражение. Поэтому под влиянием измененного бытия (системы социальных отношений внутри социума), измененного восприятия внешнего мира и т. п. в сознании реципиентов могут меняться концептуализация картины мира и структура концептов. В настоящее время мы сполна наблюдаем это и в собственной стране, а также в оценке современной картины мира. В этом случае одни и те же явления объективной действительности воспринимаются измененным социальным, этническим сознанием иначе, порой даже прямо противоположно прежнему восприятию.

В подобных условиях реципиенту получаемой информации приходится выводить истинную картину мира через осознание этой субъективной оценки авторов устной или письменной коммуникации или в том случае, если интерпретант сам был свидетелем освещаемых в тексте событий, через призму собственного видения событий.

В целом, как заметил М. М. Бахтин, говоря о глубине отражения реальной действительности, эта сторона отражательной деятельности сознания, во-первых, относится к интеллектуальному уровню реципиента-номинатора. Презентация же в тексте картины мира в большой степени зависит и от жанровой принадлежности текста.

Для автора события и явления реальной действительности или вторично созданной сознанием воспринятой картины мира реализуются в речевых произведениях разных жанров [Бахтин 1988: 191]. Говоря о речевых произведениях, М. М. Бахтин утверждал, что в речи не бывает текста, не маркированного той или иной жанровой формой [Бахтин 1986б: 250-253]. Поэтому при воссоздании воспринятой картины мира необходимо соблюдать те или иные правила жанра. В прагматическом же плане внутри жанра важно постоянно ощущать своего читателя: коммуникация имеет место лишь при интерактивности коммуни-

кантов. Поэтому для М. М. Бахтина наличие как автора, субъекта – «текстопроизводителя», так и реципиента – «второго субъекта» одинаково важно [Бахтин 1986б: 298].

Тем самым М. М. Бахтин настаивал на важности участия в коммуникации второго участника – адресата. Не случайно он назвал его вторым субъектом в этом процессе, так как полагал, что неправомерно считать второго участника коммуникативного акта, который в какой-то момент коммуникации становится слушающим, пассивным участником: без этого второго участника не может быть осуществлена коммуникативная функция языка. Это, по нашему мнению, связано с тем, что М. М. Бахтин считал неправомерным понимание процесса речепроизводства активным, а процесса речевосприятия – пассивным. Это не соответствовало его пониманию всего коммуникативного процесса в целом как «многосторонне-активного» процесса речевого общения: «Двусторонний акт познания-проникновения очень сложен. Активность познающего сочетается с активностью открывающего (диалогичность); умение познать – с умением выразить себя. Мы имеем здесь дело с выражением и познанием (пониманием) выражения, со сложной диалектикой внешнего и внутреннего» [Бахтин 1988: 190].

Отражение реальной действительности в художественном текстовом выражении отличается особой условностью. Наличие целого ряда факторов позволяет говорить, что всякий текст и, в первую очередь, художественное произведение, отражает экстралингвистическую действительность в специфической мере условности. Условностью характеризуется связь между отражаемыми предметами, явлениями, событиями внеязыковой действительности и обозначающими их в своих специфических языковых формах языковыми знаками.

Условность обозначения явлений, событий реальной действительности в художественных текстах связана и с индивидуальными когнитивными характеристиками восприятия автором реальной действительности [Кручинкина 2008б: 147], а также с определенной долей символизации в ее отражении [Кручинкина 2019]. Вместе с тем наряду с индивидуальными референциальными характеристиками каждое художественное произведение имеет и обязательное универсальное условие адекватности восприятия читателем отраженных в нем событий, явлений, героев: их референциальную привязанность к определенным вре-

менным, пространственным, этнокультурным, социокультурным параметрам [Вежбицкая 1999: 263-771].

Наибольшую познавательную ценность имеют произведения признанных писателей, писателей-классиков. Именно в их художественных произведениях наблюдается та глубина проникновения в реальную действительность, о необходимости которой говорил М. М. Бахтин [Бахтин 1986б: 194; Бахтин 1988: 190]. На фоне этого глубокого проникновения в четко очерченных значимых исторических, социальных, этнокультурных параметрах писатели разворачивают в художественной манере действия условных персонажей, но в их строгой привязанности к определенному социальному слою общества определенной эпохи.

Глубокому проникновению языкового сознания писателя в отражаемую реальную действительность предшествует тщательное исследование документов эпохи, художественных произведений, повествующих об истории или современном состоянии общества во всей его парадигме. Художественные образы имеют свои прототипы из современной эпохи или в лице исторических персонажей. Поэтому чтение такого рода художественных произведений имеет глубоко познавательное, а также часто и воспитательное значение. Например, многочисленные произведения П. Даниноса, написанные во многом как журналистские репортажи с добавлением художественного вымысла в рамках выдуманных персонажей, тем не менее имеют за собой строго выверенные ментальность, характеры, аргументированные действия, поступки этих персонажей. Серия его произведений о майоре Томсоне может быть отнесена к жанру романизированной журналистики. Интерес представляет поэтому достоверное сканирование жизни французского этноса, приправленное мастерством художественного слова, с доброй ироничной коннотацией высказываемой интерпретации наблюдаемой французской действительности.

На этапе референциального восприятия содержания важно понять детали отраженной действительности в ее этнокультурном и этносоциальном аспектах. Именно эти аспекты вызывают трудности адекватного восприятия, так как языковое оформление отражаемого в художественном произведении содержания может сильно варьироваться от языка к языку и от культуры к культуре.

Из-за своей социальной коммуникативной сущности язык используется не только как форма передачи информации, но и

для воздействия этой информацией. Это имеет место даже при индивидуальном общении двух коммуникантов: «даже наш нейтральный неформальный разговор предполагает осуществление власти, т. е. воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком» [Блакар 1987: 91]. Еще большей оказывается сфера воздействия коммуникации, когда неизмеримо растет пространство коммуникации: в случае публичного выступления, например, по телевидению, радио, в центральной прессе, в Интернете.

Действительно, фактически любая информация имеет интенцию воздействия. Получение новой информации адресатом может повлиять на изменение его некоторых взглядов на мир, на его познавательную деятельность, на его эмоциональную сферу (ощущение живого интереса, удовлетворения от получения новой информации или, наоборот, раздражения необъективностью адресанта, гнева на него и т. д.). Адресант при этом может и не иметь намерения воздействия: он просто сообщает результаты своего познания какого-то объекта реального мира, которые он считает объективными.

Неадекватное восприятие явлений и событий и недостаточно грамотное выражение адресантом мыслей о воспринятой объективной действительности, тем более действительности иной цивилизационной истории, порождают неадекватную реакцию на нее со стороны адресата.

ЛИТЕРАТУРА

Ажеж К. Человек говорящий : пер. с фр. – М. : Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Введение в литературоведение : хрестоматия. – М. : Высш. шк., 1988. С. 189-450.

Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М. : Худож. лит., 1986а. 543 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М. : Искусство, 1986б. 445 с.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти : пер. с англ. // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. С. 88-125.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков : пер. с англ. – М. : Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. – М. : Политиздат, 1968. 263 с.

Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. – М. : Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М. : Наука, 1975. 232 с.

Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. С. 5-31.

Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. – М. : Наука, 1984. 176 с.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке. – М. : Наука, 1990. 108 с.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М. : Гнозис, 2002. 284 с.

Кручинкина Н. Д. К вопросу о соотношении функций языка // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. Вып. 5. С. 95-100.

Кручинкина Н. Д. Речевые стратегии коммуникантов // Вестник Мордовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2008а. № 3. С. 141-146.

Кручинкина Н. Д. Связь между языком и отражаемой действительностью в означаемом текстов // Вестник Мордовского университета. – 2008б. № 3. С. 147-151.

Кручинкина Н. Д. Понятия текста и диалогичности в теоретическом наследии М. М. Бахтина // М. М. Бахтин в современном мире. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 202-207.

Кручинкина Н. Д. Поэтапная деятельность языковой личности в коммуникативном процессе // Когнитивные исследования языка. – 2017. Вып. 29. С. 628-636.

Кручинкина Н. Д. Текст как отраженная реальность // Русская речевая культура и текст. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2018. С. 95-99.

Кручинкина Н. Д. Литературный текст как посредник познания жизни этносоциума // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом. – Екатеринбург, 2019. С. 215-219.

Леонтьев А. А. Путешествие по карте языков мира. – М. : Просвещение, 1990. 143 с.

Петрухина Е. В. Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового значения // Исследования по языкознанию. – СПб. : Наука, 2001. С. 56-66.

Самохина Т. С. Эффективное деловое общение в контекстах разных культур и обстоятельств. – М. : Изд-во «Р.Валент», 2005. 216 с.

Серебрянников Б. А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. С. 9-95.

Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. – М. : Наука, 1988. С. 5-18.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово, 2000. 264 с.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. – М. : Слово, 2008. 343 с.

Baylon Ch. Sociolinguistique. Société, langue et discours. – P. : Armand Colin, 2002. 305 p.

Daninos P. Les carnets du major Thompson. – P. : Hachette, 1954. 243 p.

Salins de G.-D. Une introduction à l'ethnographie de la communication. – P. : Didier, 1992. 224 p.

REFERENCES

Azhezh K. Chelovek govoryashchiy : per. s fr. – M. : Editorial URSS, 2003. 304 s.

Bakhtin M.M . K metodologii literaturovedeniya // Vvedenie v literaturovedenie : khrestomatiya. – M. : Vyssh. shk., 1988. S. 189-450.

Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. – M. : Khudozh. lit., 1986a. 543 s.

Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. 2-e izd. – M. : Iskusstvo, 1986b. 445 s.

Blakar R. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti : per. s angl. // Yazyk i mode-lirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. – M. : Progress, 1987. S. 88-125.

Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov : per. s angl. – M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 780 s.

Vetrov A. A. Semiotika i ee osnovnye problemy. – M. : Politizdat, 1968. 263 s.

Katsnel'son S. D. Kategorii yazyka i myshleniya: iz nauchnogo naslediya. – M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 864 s.

Kolshanskiy G. V. Sootnosheniye sub"ektivnykh i ob"ektivnykh faktorov v yazyke. – M. : Nauka, 1975. 232 s.

Kolshanskiy G. V. Nekotorye voprosy semantiki yazyka v gnoseologicheskom aspekte // Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy. – M. : Nauka, 1976. S. 5-31.

Kolshanskiy G. V. Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka. – M. : Nauka, 1984. 176 s.

Kolshanskiy G. V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i v yazyke. – M. : Nauka, 1990. 108 s.

Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. – M. : Gnozis, 2002. 284 s.

Kruchinkina N. D. K voprosu o sootnoshenii funktsiy yazyka // Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie problemy kommunikatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty. – Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2006. Vyp. 5. S. 95-100.

Kruchinkina N. D. Rechevye strategii kommunikantov // Vestnik Mordovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». – 2008a. № 3. S. 141-146.

Kruchinkina N. D. Svyaz' mezhdru yazykom i otrazhaemoy deystvitel'nost'yu v oznachaemom tekstov // Vestnik Mordovskogo universiteta. – 2008b. № 3. S. 147-151.

Kruchinkina N. D. Ponyatiya teksta i dialogichnosti v teoreticheskom nasledii M. M. Bakhtina // M. M. Bakhtin v sovremennom mire. – Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2016. S. 202-207.

Kruchinkina N. D. Poetapnaya deyatel'nost' yazykovoy lichnosti v kommunikativnom protsesse // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2017. Vyp. 29. S. 628-636.

Kruchinkina N. D. Tekst kak otrazhennaya real'nost' // Russkaya rechevaya kul'tura i tekst. – Tomsk : Izd-vo Tomskogo TsNTI, 2018. S. 95-99.

Kruchinkina N. D. Literaturnyy tekst kak posrednik poznaniya zhizni etnosotsiuma // Kognitivnye strategii filologicheskogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom. – Ekaterinburg, 2019. S. 215-219.

Leont'ev A. A. Puteshestvie po karte yazykov mira. – M. : Prosveshchenie, 1990. 143 s.

Petrukhina E. V. Ob universal'nom i idioetnicheskom komponentakh yazykovogo znacheniya // Issledovaniya po yazykoznaniiyu. – SPb. : Nauka, 2001. S. 56-66.

Samokhina T. S. Effektivnoe delovoe obshchenie v kontekstakh raznykh kul'tur i obsoyatel'stv. – M. : Izd-vo «R.Valent», 2005. 216 s.

Serebrennikov B. A. K probleme sushchnosti yazyka // Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka. – M.: Nauka, 1970. S. 9-95.

Sorokin Yu. A., Markovina I. Yu. Kul'tura i ee etnopsikholingvisticheskaya tsennost' // Etnopsikholingvistika. – M. : Nauka, 1988. S. 5-18.

Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – M. : Slovo, 2000. 264 s.

Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazykov i kul'tur. Voprosy teorii i praktiki mezh'yazykovoy i mezhkul'turnoy kommunikatsii. – M. : Slovo, 2008. 343 s.

Baylon Ch. Sociolinguistique. Société, langue et discours. – P. : Armand Colin, 2002. 305 p.

Daninos P. Les carnets du major Thompson. – P. : Hachette, 1954. 243 p.

Salins de G.-D. Une introduction à l'ethnographie de la communication. – P. : Didier, 1992. 224 p.